

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МИРНОЕ РАЗРЕШЕНИЕ СПОРОВ

Каламкарян Р.А.

ИНСТИТУТ МИРНОГО РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ КАК ИММАНЕНТНО ПРИСУЩИЙ ЭЛЕМЕНТ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Аннотация. Предметом исследования настоящей статьи является институт мирного разрешения споров в современном международном праве. Система международного права носит целостный по форме и законченный по содержанию характер. Институт мирного разрешения споров как имманентно присущий миропорядку на основе верховенства права включает в себя комплекс общепризнанных процедур: переговоры, обследование, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство. Отмечено, что судебное разбирательство с юридической точки зрения имеет все преимущества по отношению к другим средствам. Применялись общенаучные (сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, обобщение) и частнонаучные методы (формально-догматический, сравнительно-правового исследования и др.). Сделан вывод, что Российская Федерация в порядке заявленной приверженности верховенству права в рамках своего внешнеполитического курса последовательно выступает за повышение роли Международного суда как главного судебного органа ООН. Предметное позиционирование Международного суда обозначает себя в формате институционально обустроенных процедур по обеспечению права.

Ключевые слова: Современное международное право, мир, мирное разрешение споров, ООН, Международный суд ООН, верховенство права, внешняя политика, Российская Федерация, обязательная юрисдикция, право.

Abstract: The subject of this research is the institution of peaceful resolution of disputes in the modern international law. The system of international law represents a construct comprehensive in its form, and complete in content. The institution of peaceful resolution of disputes as an immanent part of world order based on the rule of law integrates a complex of generally accepted procedures: talks, examination, intermediation, resolution, arbitration, and trial. The author notes that a trial from the juridical point of view has full advantages over the other methods. A conclusion is made that the Russian Federation as a statement of its committal to the rule of law, within the framework of its course of foreign policy subsequently supports the elevation of the role of International Court of Justice as the main judicial authority of UN. Subjective positioning of the International Court of Justice defines itself in the format of institutionalized procedures on protection of law.

Keywords: Rule of law, International Court of Justice, UN, peaceful resolution of disputes, world, modern international law, foreign policy, Russian Federation, obligatory jurisdiction, law.

Современное международное право в формате совокупности предписаний должного поведения государств – членом мирового сообщества упорядоченно в параметрах востребованности поддержания международного мира и безопасности (п. 1 ст. 1 Устава ООН), недопустимости угрозы силой или её применения (п. 4 ст. 2 Устава ООН), долженствования мирного разрешения споров (п. 1 ст. 33 Устава ООН).

Система современного международного права носит целостный по форме и законченный по содержания характер. Международный суд как главный судебный орган ООН (ст. 92 Устава ООН) не может отказаться вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права (запрет *non – liquet*). Все споры, которые передаются его сторонами Международному суду (п. 1 ст. 36 Устава ООН), разрешаются на основе права и справедливости (ст. 38 Статута суда), и здесь какие-либо отказы недопустимы: запрет *non – liquet* носит безусловный и безальтернативный характер.

Институт мирного разрешения споров как имманентно присущий миропорядку на основе верховенства права включает в себя комплекс общепризнанных процедур: переговоры, обследования, посредничество, примирение, арбитраж, судебное разбирательство. При всем позитиве представленных средств мирного разрешения споров судебное разбирательство с юридической точки зрения имеет все преимущества по отношению к другим средствам. Первое. Международный суд – это независимый, постоянно действующий орган международной юстиции. Второе. Решение Международного суда окончательно (в режиме *res judicata*) и не

подлежит обжалованию (ст. 60 Статута). Третье. Решение суда в параметрах миропорядка на основе верховенства права обозначает себя в формате процедуры по обеспечению права. Вынося свое решение, Международный суд через процедуру мирного разрешения споров содействует поддержанию целостности системы современного международного права.

Российская Федерация в порядке заявленной приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) в рамках своего внешнеполитического курса последовательно выступает за повышение роли Международного суда как главного судебного органа ООН. Предметное позиционирование Международного суда обозначает себя в формате институционно обустроенных процедур по обеспечению права.

Российская Федерация как постоянный член Совета Безопасности ориентирована на выполнение его миссий в отношении устанавливаемых в отношении сторон требований по мирному разрешению споров (п. 2 ст. 33 Устава ООН). С учетом всех объективных преимуществ судебного разбирательства включенность Международного суда в систему современного миропорядка рассматривается Российской Федерацией в аспекте востребованности обращения в Международный суд ООН в плане обеспечения выполняемости всего корпуса международно-правовых предписаний

Процедура обращения в Международный суд ООН для разрешения спора между государствами, как известно, может быть осуществлена на двоякой основе. Во-первых, в силу специальных конвенционных постановлений, содержащихся в

договоре, который предусматривает обязательную юрисдикцию Международного суда. Во-вторых, на основании договора о признании обязательной юрисдикции согласно клаузуле о факультативном характере обращения спорящих сторон к судебной процедуре урегулирования споров (п. 2 ст. 36 Статута).

Когда обращение в Международный суд осуществляется в соответствии со специально на то предусмотренными постановлением договора, то здесь, как и в случае с договором об арбитраже, возникают сходные проблемы: необходимость подписания компромисса и решение о подсудности спора. По констатации значимости роли принципа добросовестности при заключении компромисса и при решении вопроса о подсудности представляется целесообразным перейти непосредственно к анализу правомерности поведения государств при принятии обязательной юрисдикции на основании декларации согласно п. 2 ст. 36 Статута Суда.

Главным при признании правомерности поведения является то обстоятельство, что государство должно использовать свои права, признанные за ним международным правом, исключительно на основе принципа добросовестности. Соответственно, запрещается такое использование прав, которое является произвольным по характеру и поэтому представляет собой злоупотребление правом. Использование прав в этом смысле должно осуществляться государством таким образом, чтобы это соответствовало всему кругу международных обязательств, возложенных на него международным договором и международным обычным правом. Такова общая установка в отношении добросовестного поведения

государств вообще. Конкретное содержание принципа добросовестности в аспекте принятия обязательной юрисдикции Международного суда согласно п. 2 ст. 36 состоит в том, что государство не вправе лишать с помощью произвольного использования прав, вытекающих для него из оговорок к декларации (о признании обязательной юрисдикции суда), существа принятого по ней международного обязательства. Другими словами, правомочия в рамках сделанной оговорки (разумеется, если она признана действительной) к декларации о принятии обязательной юрисдикции суда должны использоваться государством с учетом необходимости добросовестного выполнения самого обязательства, ради которого оно (государство) и выступило с указанной декларацией. Запрещается распространять действие оговорок на ту область, которая явно выходит за ее рамки. В качестве общего предварительного заключения сделаем такой вывод. Принцип добросовестности при принятии обязательной юрисдикции согласно п. 2 ст. 36 предполагает, что государство, делая соответствующую декларацию, не вправе лишать ее конкретного содержания посредством выдвижения таких оговорок, которые сделали бы этот документ чисто формальным актом.

Государство, будучи суверенным субъектом международного права, в принципе само вправе определять, принимать ли ему обязательную юрисдикцию Международного суда. Разумеется, в условиях построения международного правопорядка на основе господства права принятие обязательной юрисдикции суда по всем спорным вопросам просто необходимо, поскольку поможет обеспе-

читать юридическую безопасность всех участников международных отношений, устранив возможность выхода того или иного спора за рамки регулятивного воздействия международного права. Международное право здесь не только служит источником норм для вынесения справедливого решения, но и создает в лице Совета Безопасности ООН надежные гарантии того, что обязательства, возложенные решением суда на участвующие в деле стороны, будут выполнены. Совет Безопасности уполномочен принимать любые меры, которые он сочтет необходимыми, для приведения решения в исполнение (ст. 94 Устава ООН).

Согласие государства принять на основе декларации обязательную юрисдикцию Международного суда незамедлительно ставит вопрос о том, что она по своему содержанию должна полностью соответствовать букве и духу п. 2 ст. 36 Статута Суда. Декларация, которая не входит в правовые рамки, установленные Статутом, не может рассматриваться в качестве правомерной декларации о принятии юрисдикции суда по смыслу Статута и, соответственно, не будет вызывать юридических последствий, первоначально предусмотренных субъектом декларации. В этом плане декларация, неся в себе определенное обязующее начало, не должна сопровождаться такими условиями ее конкретного применения, которые допускали бы для данного государства в нужный для него момент возможность уклониться от должного выполнения принятого обязательства.

Постановления п. 2 ст. 36 Статута, составляющие основу для выступления с декларацией о принятии обязательной юрисдикции суда, тем самым содействуют воз-

никновению нового договорного сообщества государств, круг участников которого отличен от круга участников Статута.

Естественный ход развития человечества в направлении установления господства права в международных отношениях в конечном итоге приведет к устранению каких-либо количественных различий в составе участников Статута суда и этого нового сообщества государств. Специфической чертой принадлежности к сообществу государств, признавших на основе декларации обязательную юрисдикцию суда, является то обстоятельство, что фактически существующие между ними договорные связи становятся операбельными в момент возбуждения иска в суде. Тем самым основная особенность созданного в результате совместного действия всех деклараций многостороннего соглашения состоит в том, что, если с фактической точки зрения оно (это соглашение) существует в отношении всех его потенциальных участников, свое конкретное действие оно начинает тогда, когда одно государство на основе одностороннего заявления возбуждает иск в соответствии с международным правом в отношении какого-либо другого государства. Таким образом, многостороннее соглашение, о котором здесь идет речь, вступает в действие не на всеобщей основе, а строго применительно к конкретному участнику спора.

Отношения в рамках сообщества государств, признавших на основе декларации обязательную юрисдикцию Международного суда, носят, как мы видим, явно выраженный договорный характер. Тезис достаточно бесспорен. Отсюда и полное единодушие ученых во взглядах на этот вопрос. Назовем лишь такие

имена, как Х. Лаутерпахт, П. Гугенхайм, Дж. Фитцморис, Х. Уолдок, Ш. Розенн, Б. Маус, Ш. Руссо, Э. Сой [1, р. 345; 2, р. 75, 76; 2, р. 120; 3, р. 230, 231; 4, р. 250–254; 5, р. 315 – 318; 6, р. 59–62; 7, р. 46; 8, 142 – 147].

Правовые связи внутри сообщества государств устанавливаются в силу постановлений п. 2 ст. 36 Статута, когда государство на основании постановлений клаузулы о факультативном обращении в суд выступает с односторонней декларацией. Источник таких связей очевиден. Это положения п. 2 ст. 36 Статута, дополненные односторонними по форме декларациями отдельных государств. Анализ правовых связей, установленных в результате выступления с декларацией о принятии обязательной юрисдикции суда согласно п. 2 ст. 36, позволяет говорить о том, что они носят однозначно институционный и договорный характер. Институционный в том смысле, что они образуют собой основание международного сообщества государств в рамках ООН, объявивших о своей приверженности обязательной юрисдикции Международного суда. Тем более известно, что согласно ст. 92 Устава ООН Статут, в соответствии с которым действует Международный суд, «образует неотъемлемую часть настоящего Устава». Договорный потому, что эти связи носят конвенционный характер.

Регулятивное воздействие принципа добросовестности проявляет себя здесь в обязанности государств соблюдать букву и дух такого многостороннего договора, как Статут Международного суда ООН. В конечном итоге сама направленность декларации в отношении одновременно Международного суда как одного из главных органов ООН и «любого иного государства, принявше-

го такое же обязательство», определяет институционно-договорный характер этого акта. Образующиеся в результате взаимодействия деклараций серии двусторонних соглашений между потенциальными участниками спора образуют собой юрисдикцию суда, определяют его компетенцию выносить решение по существу. По своему юридическому значению правовые связи, устанавливаемые декларациями потенциальных участников спора о принятии обязательной юрисдикции суда, сопоставимы с правовыми связями, которые образует подписанный между одноименными сторонами договор об арбитраже. Постоянная палата международного правосудия, придя к такому выводу в своем решении от 5 апреля 1939 г., прямо и однозначно заявила, что она не рассматривает юридическую связь, установленную в силу действия клаузулы о факультативном характере обращения спорящих сторон в суд, как отличную от той, которая создается международным договором, как таковым. Суд, в частности, определил, что юридическая связь, установленная декларациями Бельгии и Болгарии согласно факультативной клаузуле, имела то же самое значение, что и юридическая связь, созданная в соответствии с договором о примирении, арбитраже и судебном урегулировании споров, который был заключен Бельгией и Болгарией 23 июня 1931 г. [9, р. 75]. Договорный характер юридических связей, установленных на основе деклараций согласно факультативным положениям Статута суда, был подтвержден в развернутой форме и в ряде решений Международного суда ООН, например в решении от 6 июля 1957 г. о некоторых французских займах [10, р. 27] и решении

от 26 ноября 1957 г. о праве прохода через территорию Индии [10, р. 146].

Признанный практикой Международного суда договорный характер связей, образованных в результате согласованного действия деклараций о принятии обязательной юрисдикции суда в соответствии с факультативной клаузулой, ставит естественный вопрос: с какого же момента начинает свое действие эта связь?

Отыскание правильного ответа на поставленный здесь вопрос имеет существенное значение для нормального хода процедуры судебного разбирательства. В частности, будет снят вопрос о том, имели ли место в поведении той или другой стороны злоупотребления процессуального порядка при возбуждении иска в суде по прошествии относительно короткого промежутка времени после выступления с декларацией о принятии обязательной юрисдикции. Так, например, такой вопрос возник при рассмотрении в Международном суде дела о праве прохода через территорию Индии. В этом деле Португалия, будучи государством, по чьей инициативе было начато судебное разбирательство, выступила с заявлением о признании обязательной юрисдикции суда 19 декабря 1955 г. Исковое же заявление о возбуждении дела в Международном суде против Индии было датировано всего несколькими днями позже – 22 декабря 1955 г. Международный суд отказался расценить такое поведение как содержащее в себе злоупотребления процедурного порядка. Основываясь на строго текстуальном толковании постановлений ст. 36 своего Статута, суд посчитал, что согласительная связь, которая образует основу факультативного постановления (ст. 36 Статута), может

возникнуть между заинтересованными государствами в тот же день, когда декларирующее государство сдает свое заявление на хранение Генеральному секретарю ООН. Международный суд в своем решении от 26 ноября 1957 г. следующим образом охарактеризовал содержание взаимоотношений, складывающихся между государствами в результате выступления с заявлением о признании обязательной юрисдикции: «Посредством передачи на хранение Генеральному секретарю ООН своего заявления декларирующее государство становится участником системы в силу факультативного постановления по отношению ко всем декларирующим государствам со всеми правами и обязательствами, вытекающими из ст. 36. Договорные отношения между сторонами и обязательная юрисдикция суда, которая отсюда вытекает, устанавливаются «без особого о том соглашения, *ipso facto* (*de plein droit et sans convention speciale*)», фактически на основании сдачи на хранение декларации» [10, р. 145, 146].

Как видно из приведенного решения главного судебного органа ООН, момент возникновения договорных взаимоотношений между государствами, изъявившими согласие признать обязательную юрисдикцию суда, может определяться уже с того дня, когда соответствующая декларация депонирована, т.е. передана на хранение Генеральному секретарю ООН для препровождения ее копий участникам настоящего Статута и Секретарю суда. Такая регистрация не влияет на действительность акта, однако позволяет государствам ссылаться на него в Международном суде – одном из главных органов ООН. Заключение суда юридически оправданно и практически важно.

Логичность такого вывода с точки зрения права объясняется необходимостью придания сделанному заявлению публичного характера. Декларация о признании обязательной юрисдикции суда является по форме односторонним актом. А мы знаем, что одним из неотъемлемых условий признания действительности одностороннего акта является придание ему публичности. В этом плане депонирование заявления о признании обязательной юрисдикции суда представляется как выполнение одного из важнейших требований, предъявляемых международным правом к поведению государства при наличии у него твердого намерения принять на себя в одностороннем порядке международное обязательство. Практическая значимость выводов суда заключается в том, что уже со дня сдачи на хранение Генеральному секретарю ООН заявления государство, сделавшее его, вправе потребовать от государств, уже выступивших ранее с соответствующими заявлениями, добросовестного выполнения своих обязательств – как согласно п. 2 ст. 36 Статута (соблюдения в полном объеме признанной обязательной юрисдикции суда), так и согласно п. 1 ст. 94 Устава ООН (об исполнении вынесенного судом решения по тому делу, в котором данное государство выступает стороной). В данном случае правомочность государства выступить с такими требованиями во многом схожа по своему характеру с правоспособностью государства, присоединившегося к многостороннему договору, требовать от других участников договора добросовестного его выполнения. В уже упоминавшемся решении суда от 26 ноября 1957 г. характер юридических последствий, наступающих после акта депонирования нового

заявления о признании обязательной юрисдикции, описывается следующим образом: «В результате этого любое государство, выступающее с заявлением о признании, как представляется, должно учитывать тот факт, что в силу Статута оно может оказаться в любой момент в такой ситуации, когда оно будет призвано выполнять обязательства, вытекающие из факультативного постановления по отношению к новому участнику Статута после сдачи последним на хранение своего собственного заявления о признании» [10, p. 146].

Международный суд в своей практике, как мы видим, достаточно четко и однозначно высказался в пользу того, что договорные отношения в силу действия клаузулы о факультативном признании обязательной юрисдикции суда начинают свое действие среди заинтересованных государств со дня сдачи государством на хранение Генеральному секретарю ООН нового заявления о признании. Юридическая и практическая значимость вывода уже отмечалась выше. Она очевидна. Соответственно, понятна и логически объяснима позиция, занятая большинством ученых-юристов [6, p. 59–64; 11, p. 144; 12, p. 140, 141; 13, p. 144]. Диссонансом звучит точка зрения американского юриста М. Хадсона, который считает, что депонирование заявления о признании обязательной юрисдикции – это всего лишь формальность [14, p. 34], в то время как именно подписание содействует вступлению в силу декларации. Американский ученый не учитывает специфической сущности заявления о признании обязательной юрисдикции суда. Во-первых, это прежде всего не соглашение, а односторонний по форме акт, и уже по таким

обстоятельствам он не может вступать в силу просто с момента подписания. Во-вторых, декларация – это акт одного государства, и в силу этого обстоятельства он требует создания условий для ознакомления с его содержанием и принятия его к сведению любыми заинтересованными государствами, уже выступившими ранее со своими декларациями о признании обязательной юрисдикции суда. Если в отношении актов с участием нескольких государств (соглашение) выражение согласия на обязательность акта может действительно проявить себя через его подписание, то применительно к акту одного государства способом изъявления согласия на его обязательность выступает, как известно, ряд действий государств по приданию ему публичного характера. Добросовестное поведение государств на стадии выступления с заявлением о признании обязательной юрисдикции суда предполагает выполнение ряда процессуальных правил, записанных в тексте Статута Суда.

Процедура, которой должны следовать государства при выступлении с заявлениями о признании обязательной юрисдикции, зафиксирована в п. 4 ст. 36 Статута. «Такие заявления сдаются на хранение Генеральному секретарю ООН, который препровождает копии таковых участникам настоящего Статута и Секретарю Суда», – записано в этой статье. Заявления о признании обязательной юрисдикции суда являются по своей форме односторонними актами отдельных государств. Для того чтобы они могли вызывать желаемые международно-правовые последствия, им следует придать публичный характер. В этом плане выполнение требования о депонировании

заявлений представляется достаточным для придания им действительного характера. Депонирование здесь выступает как существенная часть добросовестного поведения государств, изъявивших намерение посредством одностороннего заявления признать обязательную юрисдикцию суда. Положения ст. 102 Устава ООН о необходимости регистрации всякого договора или всякого международного соглашения в Секретариате ООН подтверждают, как нам представляется, такую точку зрения. Таким образом, депонирование декларации придает публичность акту и тем самым выступает неотъемлемым условием признания его действительности. Декларация в силу одностороннего по форме характера волеизъявления остается прежде всего внутренним актом, и именно сдача ее на хранение Генеральному секретарю ООН гарантирует ей публичность и обеспечивает ей прямые юридические последствия в отношении тех государств – участников Статута, которые уже выступили с декларацией согласно факультативной клаузуле. Отныне они вправе на взаимной основе потребовать выполнения, и при этом исключительно на основе принципа добросовестности, всех постановлений декларации в отношении как добросовестного соблюдения в полной мере объема признанной обязательной юрисдикции суда согласно п. 2 ст. 36 Статута, так и вынесенного судом решения по тому делу, в котором данное государство выступает стороной (п. 1 ст. 94 Устава ООН).

Декларация о признании обязательной юрисдикции суда по своим внешним показателям и вызываемым юридическим последствиям представляет собой разновидность акта присоединения к многосторон-

нему договорному режиму, созданному в результате совместного действия всех деклараций, сделанных во исполнение п. 2 ст. 36 Статута. Это в общем-то очевидный факт, который вряд ли кем-либо может быть оспорен и вообще никогда не ставился под сомнение. Интерес с точки зрения предмета исследования представляет рассмотрение скорее не самого вопроса о юридической природе акта признания обязательной юрисдикции суда (мы уже определили, что это – односторонний по форме, но договорный по своему характеру акт), а именно вопроса о характере юридических последствий, наступающих в результате депонирования у Генерального секретаря ООН заявлений о признании обязательной юрисдикции суда. Выше отмечалось, что выступления с декларациями о признании обязательной юрисдикции суда образуют в своей совокупности новую конвенцию (отличную от самого Статута), объединяющую в себе столько участников, сколько было декларирующих государств. Между тем особенностью этой новой конвенции является то обстоятельство, что она действует не сразу в отношении всех, исключительно в отношении каких-то двух из ее участников. Она вступает в действие и становится операбельной с момента, когда одна из сторон на основе одностороннего искового заявления возбуждает в суде дело против другой стороны. Именно с этого момента между участниками спора образуются конвенционные отношения, и именно с этого момента практически эффективным становится право участников спора требовать на взаимной основе добросовестного соблюдения обязательства согласно п. 2 ст. 36 Статута.

Требования по выполнению постановлений п. 2 ст. 36 на основе принципа

добросовестности прежде всего предполагают, что государство не будет использовать произвольно свои права в рамках сделанной оговорки к декларации о признании обязательной юрисдикции суда с целью лишить декларацию ее существа. Имеется в виду запрет распространять действие оговорки на те области, которые в очевидном порядке не покрываются ее постановлениями. В частности, это касается неравномерности распространять действие так называемой автоматической оговорки на те области, которые, находясь явно вне сферы внутренней компетенции, подпадают под регулирующее воздействие международного публичного права. Вообще согласно требованиям принципа добросовестности запрещается делать любые оговорки, которые хотя бы в какой-то мере создавали возможности для уклонения от должного соблюдения принятого международного обязательства – признать обязательную юрисдикцию суда. Логически здесь все ясно. Если государство заявляет на основе односторонней декларации о принятии на себя обязательной юрисдикции суда, то вправе ли оно уже в процессе ее последующего претворения в жизнь своим поведением лишать с помощью оговорок самого существа им же принятого обязательства? Разумеется, нет. Теперь попытаемся выяснить, какие же оговорки считаются допустимыми с точки зрения права и, соответственно, принципа добросовестности.

Ввиду договорного характера связей, установленных в результате выступления с декларацией о признании обязательной юрисдикции суда, международно-правовой режим оговорок к декларациям такого рода сопоставим с общим правовым режимом в отношении формулирования

оговорок согласно Венской конвенции 1969 г. о праве международных договоров. Известно, что государство может формулировать оговорку, если договор предусматривает такую возможность или в случаях, когда оговорка совместима с объектом и целями договора (ст. 19). Вопросу об оговорках в Статуте Международного суда посвящен п. 3 ст. 36. В нем говорится: «Вышеуказанные заявления могут быть безусловными или на условиях взаимности со стороны тех или иных государств, или же на определенное время». Из текста статьи прямо вытекает, что Статут Международного суда допускает право государства делать оговорки к заявлению о признании им обязательной юрисдикции под условием взаимности «*ratione personae*» или же на определенное время. Таким образом, согласно п. 3 ст. 36 Статута допускаются только два типа оговорок: первый может включать в себя условие взаимности, второй тип предусматривает возможность установления определенного срока действия заявления. Два названных типа оговорок являются, как мы только что отмечали, единственно допустимыми с точки зрения п. 3 ст. 36. Вместе с тем в свете постановлений ст. 19 Венской конвенции 1969 г. в принципе допускаются такие оговорки, которые не противоречат объекту и цели Статута Международного суда. В качестве объекта такого многостороннего договора, как Статут, выступает задача обеспечения нормального хода судебного разбирательства во имя достижения справедливого решения спора. Целью постановлений п. 2 ст. 36 представляется задача обеспечения обязательной юрисдикции Международного суда. Возможность делать оговорки на условиях взаимно-

сти объясняется действием принципа суверенного равенства. Общая же правомерность оговорок и их соответствие принципу добросовестности обусловлены тем, насколько они совместимы с буквой и духом постановлений Статута Международного суда, предусматривающих признание обязательной юрисдикции на основе односторонних заявлений.

Формулирование оговорок на основе принципа взаимности и на определенное время предусматривается в Статуте Международного суда и в этом плане рассматривается как допустимое с точки зрения права. Допуская возможность выступления с оговорками этих двух типов, международное право вместе с тем предписывает необходимость соблюдения требований, устанавливаемых принципом добросовестности. Регулятивное воздействие принципа добросовестности направлено здесь на недопущение злоупотребления правом при конкретном применении деклараций о признании обязательной юрисдикции с содержащимися в них оговорками. Содержание принятого обязательства согласно декларации не должно сводиться на нет в результате недобросовестного поведения государства.

Анализ содержания деклараций о признании обязательной юрисдикции суда свидетельствует о том, что практически все государства воспользовались правомочием делать оговорки и приняли на себя отличающиеся друг от друга обязательства. Для образования юридической связи, которая могла бы соединять государства в силу действия факультативной клаузулы, необходимо сопоставить все декларации Тем самым может быть установлена основа для образования компетен-

ции суда. Компетенция суда существует в тех пределах, в которых имеются области, общие для обеих деклараций. Государства связаны друг с другом постановлениями декларации в той мере, в какой каждый из двух участников спора принял «такое же обязательство». Таков смысл п. 2 ст. 36 Статута. В этом заключается содержание принципа взаимности, одинаково признанного в праве международных договоров и в праве, регулирующем деятельность международных судебных и арбитражных органов. Суть его состоит в следующем. Если одно государство исключило из сферы признаваемой им обязательной юрисдикции споры характера *А, Б, В*, а другое государство – споры характера *Г, Д, Е*, то в результате такой процедуры арбитражное обязательство (или обязательство обратиться к суду для разрешения спора), которое существовало бы в этом случае, покрывало бы собой все споры, предусматриваемые постановлениями факультативной клаузулы, за исключением споров *А, Б, В, Г,*

Д, Е. Постоянная палата международного правосудия в своем решении от 14 июня 1938 г. раскрыла содержание принципа взаимности следующим образом: если в декларации одной из сторон спора содержится оговорка, «является признанным, что в результате воздействия условия взаимности, записанного в п. 2 ст. 36 Статута Суда, это ограничение образует основу правоотношений между сторонами» [15, р. 22].

Правило взаимности подтверждено в целом ряде решений, например в решении Постоянной палаты международного правосудия от 5 декабря 1939 г. и в решении Международного суда от 26 ноября 1957 г. [16, р. 81; 10, р. 144]. В силу этого принципа государство может противопоставить компетенции суда не только сформулированные им самим исключения из сферы признания обязательной юрисдикции суда, но также исключения, сформулированные в декларации другого государства.

(Окончание в следующем номере)

Библиография:

1. Lauterpacht H. The development of international law by the International Court. L., 1958. P. 345.
2. Guggenheim P. Trait de droit international public. Geneve, 1954-1959. Vol. 1. P. 75, 76.
3. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the ICJ//DYDIL.1957. L., 1958. Vol. XXXIII. P. 230, 231.
4. Waldock H. Decline of the Optional Clause // BYBIL. 1956. L., 1957. Vol. XXXII. P. 250-254.
5. Rosenne Sh. The International Court of Justice. Leiden, 1957. P. 315-318.
6. Maus B. Les Reserves dans les declarations d*acceptation de la juridiction obligatoire de la CIJ. Geneve. P. 59-62.
7. Rousseau Ch. Droit international public approfondi. P., 1958. P. 46.
8. Suy E. Les actes juridiques unilateraux en droit international public. P., 1962. P. 142-147.
9. CPJI. 1939. Serie A/B. N.77. P. 75.
10. CIJ. Recueil 1957. P. 27.
11. Zoller E. La bonne foi en droit international public. Paris, 1977. P. 144.
12. Hambro E. Some observations on the compulsory jurisdiction of the ICJ // BYBIL. 1948. L., 1948. Vol. 25. P. 140, 141.
13. Sue E. Les actes juridiques unilateraux en droit international public. P., 1962. P. 144.
14. Hudson M. Twenty-fourth year of the World Court // AJIL. 1946. Vol. 40. P. 34.

15. CPJI (1938). Serie. A/B. N. 74. P. 22.
16. CPJI (1939). Serie. A/B. N. 77. P. 81.

References (transliterated):

1. Lauterpacht H. The development of international law by the International Court. L., 1958. P. 345.
2. Guggenheim P. Trait de droit international public. Geneve, 1954-1959. Vol. 1. P. 75, 76.
3. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the ICJ//DYDIL.1957. L., 1958. Vol. XXXIII. P. 230, 231.
4. Waldock H. Decline of the Optional Clause // BYBIL. 1956. L., 1957. Vol. XXXII. P. 250-254.
5. Rosenne Sh. The International Court of Justice. Leiden, 1957. P. 315-318.
6. Maus B. Les Reserves dans les declarations d*acceptation de la juridiction obligatoire de la CIJ. Geneve. P. 59-62.
7. Rousseau Ch. Droit international public approfondi. P., 1958. P. 46.
8. Suy E. Les actes juridiques unilateraux en droit international public. P., 1962. P. 142-147.
9. Zoller E. La bonne foi en droit international public. Paris, 1977. P. 144.
10. Hambro E. Some observations on the compulsory jurisdiction of the ICJ // BYBIL. 1948. L., 1948. Vol. 25. P. 140, 141.
11. Sue E. Les actes juridiques unilateraux en droit international public. P., 1962. P. 144.
12. Hudson M. Twenty-fourth year of the World Court // AJIL. 1946. Vol. 40. P. 34.